

Королева кивнула и знаком велела Ханьчжу забрать у Шэнь Чжаоюн нитку жемчуга.

С первого взгляда стало ясно: золотые нити, которыми были скреплены жемчужины, точь-в-точь повторяли те, что нашли в покоях Вэй Цзиньшу.

Ханьчжу взяла ножницы и разрезала золото. Оказалось, жемчужины были распилены пополам: стоило надавить на них пальцами, как они разваливались, обнажая внутри слой лекарственной пасты.

Взгляд королевы помрачнел, она почувствовала неладное:

— Шэнь Чжаоюн, почему у тебя оказалась такая же нитка?

Шэнь Чжаоюн вышла на середину зала, поклонилась и, протянув руку, помогла Вэй Цзиньшу подняться. Голос её звучал твердо и спокойно:

— С тех пор как я вошла во дворец, я носила это украшение целый год, не снимая ни на миг — ни в бане, ни во сне. И даже не подозревала, что оно ядовито.

Она продолжила:

— В отличие от ожерелья, браслет находится дальше от лица, поэтому симптомы отравления у меня были не столь явными. Но в последнее время я часто страдала от головокружений, и лекари не могли найти причину. Лишь когда сегодня начали проверять ожерелье Вэй Цайжэнь, я поняла, что пострадала от той же отравы. Вэй Цайжэнь — человек добрый, она не хотела наживать врагов, была слишком напугана, чтобы заговорить, и решила терпеть молча. Но я не могу оставаться в стороне.

Королева понимала, что дело принимает иной оборот, и спросила:

— Откуда у тебя этот жемчуг?

— Его даровала нам госпожа Сянь-фэй. Мы не могли отказаться от милости!

Сянь-фэй, которая как раз собиралась поставить чашку с чаем на стол, при этих словах вздрогнула.

Раздался звон — чашка упала на пол и разбилась вдребезги, а брызги чая испачкали подол её платья.

Взгляд Шэнь Чжаоюн, полный ненависти, и явная растерянность Сянь-фэй не укрылись от

присутствующих, что лишь подтвердило слова Шэнь.

Королева подняла жемчужину и положила перед Сянь-фэй:

— Сянь-фэй, это ты подарила жемчуг Шэнь Чжаоюн и Вэй Цайжэнь?

— Да... — Сянь-фэй старалась сохранять самообладание, хотя лицо её заметно побледнело. — Но я не подкладывала яд!

Шэнь Чжаоюн возмущенно воскликнула:

— Госпожа Сянь-фэй, вы даровали нам этот жемчуг, когда мы только вошли во дворец. Неужели вы хотите сказать, что мы ошибаемся?

Сянь-фэй в панике начала оправдываться:

— Я действительно дарила его, но я не знала, что в нем скрыта такая тайна.

— Тогда почему, когда обнаружили яд, вы молчали? — Шэнь Чжаоюн не верила ни единому её слову, в глазах её пылала обида жертвы. — Даже зная, что Вэй Цайжэнь несправедливо обвиняют, вы остались равнодушны?

Королева слегка нахмурилась. Она собрала всех наложниц именно для очной ставки, но Шэнь Чжаоюн была слишком прямолинейна и горяча. В порыве гнева она могла упустить важные детали, поэтому королеве пришлось её успокоить:

— Шэнь Чжаоюн, помоги Вэй Цайжэнь сесть. Вы обе невинно пострадали, и я сама во всем разберусь.

— Надеюсь на вашу справедливость, госпожа.

Шэнь Чжаоюн обняла Вэй Цзиньшу за плечи и проводила к своему месту. Ло Цзеюй, сидевшая рядом, поняла её намерение и, не дожидаясь просьб, встала, уступая место.

— Вэй Цайжэнь, вы натерпелись страху, присаживайтесь.

После того как Ло Цзеюй поднялась, остальные наложницы тоже встали и, согласно своему рангу, пересели на одно место дальше.

— Это не по правилам... — начала было отказываться Вэй Цзиньшу.

Её положение было низким, она не пользовалась благосклонностью императора и всегда сидела в самом конце. То, что сегодня остальные уступили ей место, поставило её в неловкое положение.

Шэнь Чжаоюн не вынесла её покорности и сама усадила её на место:

— Сказано садиться — садись. Посмотрим, кто осмелится хоть слово сказать.

Королева бросила на них взгляд, но промолчала, молчаливо одобряя.

Юнь Чу, стоявшая позади, усмехнулась и прошептала на ухо Вэй Цзиньшу:

— Оказывается, ты давно заметила жемчуг на руках у Шэнь Чжаоюн и притворилась жалкой, чтобы найти себе защитницу.

Вэй Цзиньшу обернулась и улыбнулась ей в ответ, ничего не сказав.

Шэнь Чжаоюн, увидев это, решила, что Вэй Цзиньшу улыбается ей из благодарности за защиту, и на душе у неё стало радостно.

— Не бойся, пока я рядом, никто тебя не обидит, — Шэнь Чжаоюн похлопала себя по груди.

— Благодарю вас, Шэнь Чжаоюн.

Как только они расселись, королева собралась продолжить допрос, но к Гуй-фэй подошла служанка и что-то прошептала. Гуй-фэй, словно что-то вспомнив, поднялась и поклонилась:

— Ваше Величество, пришло время моей молитвы, позвольте мне удалиться.

Королева махнула рукой:

— Иди.

Юнь Чу удивилась: дело об отравлении ещё не завершено, а Гуй-фэй уже уходит. Поразмыслив, она снова наклонилась к Вэй Цзиньшу:

— Цзиньшу, я пойду прослежу за Гуй-фэй.

Не дожидаясь ответа, она последовала за Гуй-фэй и её служанками из главного зала.

Дело об отравлении затрагивало Вэй Цзиньшу, но она не была виновницей, поэтому Юнь Чу не боялась, что подозрения падут на неё. Тем более, рядом была Шэнь Чжаоюн, готовая защищать её. Юнь Чу хотела лишь узнать, действительно ли Гуй-фэй пошла молиться или же задумала что-то другое.

Она давно замечала, что Гуй-фэй ходит с трудом, опираясь на правую ногу сильнее, чем на левую. Вэй Цзиньшу рассказывала, что это старая рана, полученная, когда Гуй-фэй сопровождала отца в походах. Рана зажила, но часто ныла, поэтому при передвижении по дворцу она обычно пользовалась паланкином.

Когда Гуй-фэй села в паланкин, Юнь Чу, не стесняясь, уселась рядом — всё равно смертные её не видели, а места было много.

Едва занавески опустились, Гуй-фэй достала четки и начала шептать молитвы. Юнь Чу вспомнила о жемчуге Шэнь Чжаоюн, осторожно понюхала четки Гуй-фэй, но не почувствовала никакого странного запаха.

Прошептав несколько строк, Гуй-фэй закрыла глаза, перестала перебирать четки и тяжело вздохнула:

— Какой грех... Да защитит меня Будда, пусть карма будет очищена.

Дворец Цинлянь, где жила Гуй-фэй, разительно отличался от дворца Чжаохуа, где обитала Шу-фэй. Если второй поражал роскошью, то первый был полон достоинства и изящества, а боковой зал даже превратили в молельню, что вполне соответствовало вкусам хозяйки.

Войдя в молельню, Гуй-фэй отослала всех слуг, подошла к золотой статуе Будды и зажгла благовония. Затем она перешла к другому алтарю, где стояла табличка с именем божества, и с глубоким почтением поклонилась.

Юнь Чу заглянула через плечо — это была табличка Небесного Императора.

Она подумала, что смертные всё ещё чтут Небесного Императора, который когда-то пожертвовал своей сущностью, чтобы защитить мир. Только вот на Небесах никто не знает, где сейчас оставшиеся части его души, так что эти подношения вряд ли дойдут до адресата.

Юнь Чу подошла ближе к алтарю и начала впитывать аромат благовоний. Раз уж всё равно пропадают, почему бы не воспользоваться? Даже если Император вернется, вряд ли он станет сводить счета с маленьким небесным духом из-за какой-то еды.

Тем временем Гуй-фэй опустилась на коврик перед статуей Будды и, перебирая четки, принялась вслух читать сутры. Юнь Чу, видя, что та замерла в молитве, тоже подошла и села рядом.

Гуй-фэй молилась с искренним благоговением, не прося ни о чем конкретном, просто читая текст. Юнь Чу просидела так около четверти часа, но ей стало скучно — терпения молящихся ей явно не хватало.

Убедившись, что Гуй-фэй больше ничего не замышляет, Юнь Чу успокоилась.

— Читай-читай, а я пойду проверю, как там моя Цзиньшу, — подумала она, потянулась и направилась в сторону дворца Фэнъи.

Обычно Юнь Чу перемещалась мгновенно, но сегодня, спеша на представление, она забыла взять с собой талисман для перемещений. Дворец Цинлянь был неблизко, и к тому времени, как она добралась до дворца Фэнъи, наложницы уже начали расходиться.

— Так быстро закончили? — удивилась Юнь Чу и поспешила к Вэй Цзиньшу, которую под руку вела сияющая Шэнь Чжаоюн.

Шэнь Чжаоюн с досадой дернула Вэй Цзиньшу за рукав:

— Чего ты боялась? Сказала бы всё сразу, и дело с концом.

Вэй Цзиньшу опустила голову:

— Я человек незначительный, не смею лишний раз привлекать внимание.

— Просто тебе не везет. Мы вошли во дворец в один день, я уже стала Чжаоюн, а ты такая красавица — рано или поздно тоже добьешься благосклонности, — сказала Шэнь Чжаоюн. — В следующий раз, как увижу императора, замолвлю за тебя словечко.

— Не стоит утруждать себя, Чжаоюн.

— Что значит утруждать? Запомни: если хочешь кого-то отчитать — это не твоя вина, это тот человек напрашивается. Если ты её отчитаешь — исполнишь её желание и себе карму поправишь, — продолжала рассуждать Шэнь Чжаоюн. — Мы теперь с тобой в одной беде побывали, так что если что случится — приходи ко мне. Нельзя же всё время молчать, когда тебя бьют и ругают, смотреть на это тошно.

<http://bllate.org/book/18883/1844215>